

В густой лесной чаще не было слышно ничего, кроме шелеста листвы да далекого рокота водопада, низвергающегося с вершины пика.

Чэн Муюнь выбрал для исцеления уединенную лощину — место, богатое духовной энергией, но лишенное редких трав или ценных зверей. Обычные ученики редко забредали сюда, а значит, ничто не должно было отвлекать его от медитации.

Он надеялся, что Хэ Юань просто проходил мимо. В конце концов, в самом массиве для исцеления не было ничего из ряда вон выходящего.

Однако...

Даже с закрытыми глазами он чувствовал на себе чужой взгляд — тяжелый, пристальный, ставший почти осязаемым.

— Твой разум неспокоен. Это не пойдет на пользу исцелению.

Хэ Юань произнес свою первую фразу с момента появления.

«Что ж, — прикинуться ветошью не вышло»

Чэн Муюнь открыл глаза, сохраняя позу для медитации:

— Ваше Почтение наделен великим могуществом. Я же нахожусь лишь на стадии Пробуждения Чувств, и мне трудно сохранять невозмутимость под вашим надзором.

Лицо Хэ Юаня оставалось бесстрастным. Его взор, лишенный каких-либо эмоций, по-прежнему буравил юношу. Адепт, сидящий в центре массива, выглядел в лучшем случае миловидно; в его глазах читался испуг, а манерам явно не хватало выдержки.

Все было не так. Совсем не так.

— Где ты обучился этому массиву?

Видя, что Почтенный Меч не спешит пускать в ход оружие, Чэн Муюнь немного успокоился:

— Докладываю Вашему Почтению: я изучил его в Павильоне Писаний, обменяв на очки вклада.

Этот Массив Возвращения Весны в свое время разработал сам Чэн Муюнь. Он был эффективен и прост в исполнении, поэтому автор включил его в список техник самого низкого ранга, чтобы любой ученик мог освоить его за небольшую плату. Для адепта внутренней школы на стадии Пробуждения Чувств знание такого массива было делом обыденным.

Он считал свое объяснение безупречным. Хэ Юань, каким бы суровым он ни был, не станет убивать собрата по ордену без веской причины.

Тот шпион, Чжан Шань, оказался демоническим практиком, и его казнь, хоть и была жестокой, укладывалась в рамки правил. Но это тело... Муюнь за последние дни проверил его вдоль и поперек. Ни капли демонической скверны.

Он посмотрел на Хэ Юаня — в его взгляде читалось почтение, смешанное с искренностью. Ни тени вины. Хэ Юань просто оказался здесь случайно, ответит на пару вопросов — и всё на этом закончится.

Пока юноша предавался надеждам, Хэ Юань заговорил вновь:

— Оригиналы чертежей этого массива в Павильоне Писаний я лично уничтожил пятьсот лет назад. Откуда ты мог их видеть?

Чэн Муюнь опешил.

«Что? Уничтожил? Неужели он настолько меня ненавидит?»

Видя его замешательство, Хэ Юань продолжил:

— Тот вариант «Возвращения Весны», что хранится в Павильоне сейчас, был переработан мною лично. В нем изменен сам принцип циркуляции духовной силы. Каждый в ордене Тайсюань знает лишь обновленную версию.

Он сделал паузу, и его голос стал еще холоднее:

— Откуда же ты узнал... первоначальный вариант?

«Да ты издеваешься! — Муюнь едва сдержал крик возмущения. — Ну, переработал и переработал, но зачем старое-то сжигать?»

Хэ Юань шевельнулся.

Он медленно, шаг за шагом, начал входить в пространство массива. Его лицо по-прежнему не

выражало ничего, но аура смертоносной жажды крови накрыла лощину, подавляя волю.

— Я наложил запрет на наследование исконного варианта этого массива. Кто позволил тебе изучать его? Кто позволил тебе помнить... то, что принадлежало ему?

С последним словом Хэ Юань оказался прямо перед Муюнем. Он поднял руку, и его пальцы, совершенные, словно выточенные из белого нефрита, слегка согнулись. Казалось, мгновение — и он раздавит этого дерзкого червя.

В отчаянии юноша выкрикнул:

— Почтенный Меч! Законы Тайсюань запрещают убивать собратьев без доказанной вины!

Он надеялся, что эти слова пробудят в Хэ Юане остатки здравомыслия. Когда тот был маленьким, Муюнь, будучи строгим наставником, заставлял его зазубривать устав ордена до последнего иероглифа. И правило о запрете на необоснованное убийство соплеменников стояло там под первым номером.

«Детские воспоминания должны быть глубокими, верно?» — Чэн Муюнь всё ещё верил в принципы своего ученика.

Хэ Юань окинул его ледяным взглядом:

— Смелости тебе не занимать. Я не стану лишать жизни ученика без причины. Я лишь заставлю тебя кое-что забыть.

С этими словами он сложил пальцы в печати, и в его левой ладони вспыхнул призрачный свет.

У Муюня душа ушла в пятки.

«Техника Похищения Души! — ужаснулся он. — Этот безумец решил насильно стереть мне память! Потеря воспоминаний этого тела — полбеды, но эта техника позволяет заглянуть в самую суть истинного духа. Если он увидит мою настоящую сущность, маскировка рухнет окончательно»

«Придется идти ва-банк!»

Чэн Муюнь глубоко вздохнул. Старые привычки сослужили ему добрую службу: он всегда создавал массивы, накладывая их друг на друга. Даже в этом, казалось бы, безопасном месте он подстраховался, добавив к исцеляющему контуру скрытый иллюзорный слой, который можно было активировать в любой момент.

Обычный защитный барьер не смог бы сдержать мастера уровня Хэ Юаня, но Муюнь благословлял свою предусмотрительность — он подготовил именно Иллюзорный массив.

Как только рука Хэ Юаня коснулась его макушки, траектория потоков духовной энергии в массиве резко изменилась.

Зрачки Хэ Юаня сузились.

— Ты...

Он не успел договорить. Его сознание мгновенно погрузилось в густой, обволакивающий туман.

Чэн Муюнь очнулся в абсолютной тьме. Ощущения были до боли знакомыми — полная беспомощность, как в те минуты, когда он только прибыл в этот мир.

Он быстро взял себя в руки и попробовал пошевелиться. Тело слушалось. Единственной проблемой оставалась непроницаемая мгла вокруг.

«Что происходит? — раздался в сознании голос Системы. — Как мы здесь оказались? Это телепортация?»

«Это иллюзия, — мысленно ответил Муюнь. — Ситуация была критической. Воля Хэ Юаня слишком крепка, мне пришлось использовать собственный дух как приманку, чтобы затянуть его в массив»

Проще говоря, теперь Муюнь и Хэ Юань были заперты в одном Иллюзорном мире.

«Погоди, он же на стадии Преодоления Испытания! — Система была ошарашена. — Как ты вообще умудрился его скрутить?»

«Это была авантюра. Я сделал ставку на то, что его терзают демоны сердца и его душевное равновесие пошатнулось. К тому же в плане силы духа я ему почти не уступаю. Проблема лишь в том, что его уровень культивации несоизмеримо выше, а значит, сюжет этой иллюзии будет полностью определяться его подсознанием»

«Прекрасно... И как нам отсюда выбираться?»

Несмотря на поспешность действий, у Муюня был план:

«Будем ждать. Когда Хэ Юань окончательно поверит в реальность происходящего и утратит бдительность, я смогу выскользнуть. Заодно попробую стереть его воспоминания о нашей встрече в лесу»

Юноша до последнего не хотел бросать это тело. Экстренный перенос духа из артефакта демонов в птицу и так подкосил его силы, еще одного рывка он мог просто не пережить.

«Ладно. Но почему тут так темно? Где мы?»

Этот вопрос беспокоил и самого Муюня:

«Понятия не имею»

Иллюзорные массивы вытаскивают наружу сокровенные желания и страхи, выстраивая вокруг них целый мир. Кого-то манит власть, кого-то богатство, а идущих против воли Неба практиков чаще всего преследует навязчивая идея о вознесении.

Чэн Муюнь поднялся и, ориентируясь на ощущения, попытался осмотреться. Стоило ему сделать шаг, как подошвы обожгло холодом.

«Я босой?»

Вздрыгнув, он привык к температуре и двинулся дальше. Спустя пару шагов он наткнулся на преграду. Проведя рукой, Муюнь почувствовал холодные металлические прутья толщиной в запястье. Судя по зазорам и форме — решетка.

Он проследовал вдоль ограждения, пока не уперся в холодный камень стены. Обойдя всё пространство, он вернулся к тому месту, где очнулся. Исследование было закончено: он находился в камере.

Муюнь сел на кровать. Значит, время действия в этой иллюзии — период после того, как он убил «главную герою». Раз он расправился с ней и искалечил собственного ученика, неудивительно, что его бросили в темницу.

Однако кое-что не давало ему покоя.

«Система, почему иллюзия выбрала именно этот момент? Разве не логичнее было бы вернуться в прошлое и предотвратить трагедию?»

«Наверное, Хэ Юань из-за тебя совсем тронулся умом и теперь хочет вдоволь помучить тебя в застенках», — ехидно отозвался ИИ.

«Попридержи коней, — поморщился Муюнь. — Твои выражения становятся всё грубее»

Он не стал спорить с тем, что Хэ Юань может желать ему боли. Даже зная, что всё это — морок, ощущения здесь были пугающе реальными. Если ненависть ученика зашла так далеко, Муюню предстояло на собственной шкуре прочувствовать все прелести пыток.

В этот момент снаружи послышался шум. Замерцали первые огоньки — похоже, открылась внешняя дверь. Затем раздались тихие, размеренные шаги.

Муюнь прищурился, и когда свет стал ярче, он наконец смог разглядеть обстановку.

К его изумлению, это было вовсе не подземелье. Он находился в собственной спальне в обители на Пике Вэньдао.

«Что за чертовщина?»

Всё было до боли знакомым: мебель, огромные книжные шкафы у стен... Всё, кроме массивной решетки из черного железа, уходящей от пола до самого потолка. Эта мрачная преграда отделяла Муюня от остальной комнаты. В его распоряжении осталась лишь кровать из холодного нефрита.

Неудивительно, что в темноте он принял это место за тюрьму.

Шаги приближались. Чэн Муюнь поднялся с кровати, намереваясь подойти к решетке и встретить Хэ Юаня лицом к лицу, но внезапно почувствовал резкий рывок. Неведомая сила дернула его за запястья и щиколотки, прижимая к стене за спиной.

Только теперь он заметил на своих руках и ногах длинные цепи из темного металла. Четыре цепи тянулись от колец в стене к его конечностям. Они были невесомыми и легко удлинялись, поэтому он и не заметил их поначалу.

«...»

«Мамочки...» — выдохнула Система.

Муюнь нахмурился и попытался разорвать оковы, призвав духовную силу, но быстро понял — это бесполезно. Цепи были выкованы из десяти тысячелетнего черного железа, блокирующего любую энергию. В ордене такие использовали только для умирения самых опасных демонических практиков.

«Это всё еще камера? Но постой, цепями из черного железа обычно пробивают ключицы, чтобы запечатать культивацию. Какой смысл заковывать руки и ноги?»

«Ох, береги себя», — протянула Система.

Тон ИИ показался Муюню странным, но он не успел спросить — кто-то заговорил.

— Наставник, как вы себя чувствуете сегодня?

Юноша поднял голову и увидел Хэ Юаня, стоящего за решеткой.

Нет, время было не то. Перед ним стоял не юноша и не нынешний великий мастер, а молодой человек лет двадцати с небольшим. На нем были бело-голубые даосские одежды, темные волосы аккуратно собраны под нефритовым венцом. Красивое лицо озаряла мягкая, приветливая улыбка.

Судя по стати и наряду, это был тот самый Хэ Юань, которого Муюнь мельком видел во время битвы между богами и демонами.

— Почему вы молчите? Неужели всё еще сердитесь?

— Отпусти меня.

Хэ Юань улыбнулся. Его улыбка была такой нежной, что от неё мороз пробежал по коже.

— Не могу, наставник. В прошлый раз вы так разволновались при виде меня, что едва не причинили себе вред.

С этими словами Хэ Юань отпер решетку и вошел внутрь. Поставив на столик поднос, он заговорил вновь:

— Наставник, вы не принимали пищу несколько дней. Теперь, когда вы лишились сил, ваше тело не сможет исцелиться без еды.

Муюнь лишь молча смотрел на него.

Хэ Юань не выказал ни капли раздражения. Сохраняя всё ту же ласковую улыбку, он открыл нефритовый флакон и извлек оттуда одну пилюлю.

— Эту Пилюлю Отрешения я приготовил сам...

«Что за бред? — Чэн Муюнь не удержался от возмущенного комментария. — Этот мелкий паршивец в алхимии смыслил не больше, чем свинья в апельсинах. А в этой иллюзии он, глядите-ка, мастер на все руки»

«Может, он научился этому уже после твоего ухода», — предположила Система.

«Невозможно. Заклинатель меча не должен тратить время на котлы и травы. Это пустая трата таланта»

«Сказал человек, который ночами напролет изучал массивы»

«Так я же тогда был калекой!»

«Ну, так и он по твоей милости лишился Кости Дао»

«...»

Хэ Юань проявлял завидное терпение. Он держал пилюлю у самых губ Муюня и, видя, что тот не собирается открывать рот, негромко произнес:

— Наставник, сегодня вы обязаны её принять. Вы ведь... не хотите, чтобы я прибегнул к иному способу кормления?

Муюнь встретился с ним взглядом и невольно вздрогнул, вспомнив свои опасения насчет пыток. Одарив ученика гневным взглядом, он процедил:

— Дерзкий ученик! — и нехотя приоткрыл рот.

Улыбка Хэ Юаня стала еще шире:

— Вот и славно.

Он аккуратно вложил пилюлю в рот Муюню. Его движения были стремительными, но тому показалось, что, убирая руку, Хэ Юань нарочито медленно провел кончиками пальцев по его губам.

Пилюля мгновенно растаяла, обдав горло прохладной сладостью духовного источника — в ней не было того странного привкуса, что обычно присущ таким снадобьям.

Чэн Муюнь холодно усмехнулся:

— Твое мастерство в алхимии и впрямь недурно. Но скажи, неужели, тратя время на подобные пытки, ты окончательно забыл наставления своего учителя?

Он намеренно провоцировал Хэ Юаня, будучи уверенным, что тот питает к их прошлому лишь отвращение. Разве не об этом говорили его слова в лесу? Он стремился стереть любые следы присутствия Чэн Муюня в своей жизни — только ненависть в её крайней форме могла породить подобную одержимость. А эти бесконечные «наставник» — не более чем ядовитая насмешка.

Если Хэ Юань проявит хоть тень недовольства, Муюнь сможет зацепиться за эту брешь, разрушить морок и сбежать. План казался безупречным.

Однако Хэ Юань не выказал ни капли гнева. Напротив, его голос зазвучал еще мягче:

— Я помню каждое ваше слово, наставник. Ни одно из ваших поучений не забыто. Но как я мог доверить чужим рукам заботу о вещах, что предназначены для вас?

«...»

От этих слов Муюня прошиб холодный пот. Ему захотелось закричать.

«Система, он ведет себя как настоящий маньяк! Он что, собирается зарезать меня прямо здесь?»

«Вряд ли, — отозвалась Система. — А вот сожрать целиком — вполне»

— Наставник снова гневается?

На лице Хэ Юаня появилось выражение, граничащее с обожанием. Он присел на край каменного ложа и протянул руку к вороту одежд Муюня. Тот, лишенный возможности шевельнуться, резко выкрикнул:

— Хэ Юань! Что ты задумал?!

Ученик внезапно замер и терпеливо пояснил:

— Наставник, вы ранены. Я пришел, чтобы исцелить вас.

— Мне не нужна твоя притворная милость!

— Этого я позволить не могу.

Хэ Юань больше не медлил и одним решительным движением распахнул ворот его натальной рубахи.

Чэн Муюнь опустил взгляд и только теперь осознал, в каком виде он предстал перед учеником: на нем не было верхней мантии, лишь тонкая нижняя одежда. Волосы не были собраны и тяжелым шелком рассыпались по груди.

Хэ Юань замер. Его взгляд потемнел, а с лица исчезла неизменная улыбка.

Перед ним лежал его наставник. Рубаха сползла до самых локтей, обнажая белизну кожи, по которой рваным росчерком проходил страшный след от раны. Темные пряди волос, касавшиеся краев шрама, создавали пугающий, противоестественный контраст.

Муюню хватило одного взгляда на эту рану, чтобы точно определить время, в котором они оказались. Этот след остался на его теле после битвы с Десятью Владыками Царства Демонов, случившейся незадолго до его «гибели». Значит, в этой иллюзии Хэ Юань не дал ему умереть, а приволок обратно в орден?

Но что же в этой картине было для него самым важным?

Муюнь не успел додумать — он услышал сбивчивое, неровное дыхание ученика.

Его душевное равновесие пошатнулось.

«Вот он, мой шанс!»

<http://bllate.org/book/15360/1422156>